Собинов А

19/II 87

Воспоминания старого журналиста

Кавказская здравница
г. Пятигорск

19 ЯНВ 1987

У «КОРОЛЯ РУССКИХ ТЕНОРОВ»

Архивы памяти

ЕСЛИ ВЫ ПОМНИТЕ, в прошлом году на страницах «Камертона» мы впервые познакомили читателей с творчеством Станислава Поволоцкого — журналиста, переводчика и драматурга, который провел детство и отрочество в Пятигорске, а сейчас живет и трудится в польском городе Лодзь.

В трех номерах «Кавказской здравницы» были напечатаны страницы воспоминаний С. Поволоцкого «Пятигорская старина», затем в мае — июне нынешнего года — «Последнее интервью» о встрече с Федором Шляпиным.

Совсем недавно С. Поволоцкий приезжал на отдых в Пятигорск, побывал в редакции и предложил для публикации воспоминания о Леониде Собинове. Нашим читателям особенно интересно будет познакомиться с ними: ведь великий певец в 1926 году выступал с концертом в Лермонтовской галерее Пятигорска...

ЭТО БЫЛО много лет назад, когда я первый раз в жизни выступил в роли интервьюера, вернувшись с матерью из Пятигорска в Польшу. Вступил на скользкую, но заманчивую стезю журналиста, довольно часто писал заметки из местной театральной жизни в захудалую, едва сводившую концы с концами, провинциальную газетку.

Однажды на улицах появились громадные разноцветные афиши, извещавшие о предстоящем выступлении знаменитого певца Леонида Витальевича Собинова. Это были, если не ошибаюсь, последние, незадолго до его кончины, зарубежные гастроли «короля русских теноров». Естественно, я загорелся желанием встретиться с легендарным артистом и лично, от имени газеты, побеседовать с ним.

Секретарь редакции, опытный провинциальный «газетный волк», снабжая меня необходимым удостоверением, многозначительно заметил:

— Если Собинов вас примет, обдумайте хорошо вопросы, которые хотите ему задать. И больше слушайте, а сами помалкивайте. Артисты, а тем более знаменитые, народ капризный...

Собинов, по сведениям газеты, остановился в гостинице, находившейся неподалеку от редакции. Закурив для храбрости папиросу, я смело направился туда. В кармане пиджака покоились новенький блокнот и несколько превосходно оцинченных карандашей. О чем, собственно, буду беседовать с Собиновым и какие вопросы задам ему, — не задумывался.

Узнав у швейцара, в каком номере остановился артист, я бодро стал подниматься по лестнице.

— Простите, — вежливо окликнул меня швейцар, — вы предупредили о своем приходе? Артист утомлен и просил никого к нему не пускать.

Слегка опешив, я гордо процедил сквозь зубы:

— Из редакции. Собинов меня примет...

Смелость оставила меня, когда я приблизился к двери номера, который занимал Собинов. Долго топтался у двери

и даже осторожно заглядывал в замочную скважину... От позорного бегства из полутемного коридора гостиницы «спасло» неожиданное появление горничной с подносом в руках. Несколько подозрительно оглядев меня, она спросила: «Вы к кому?». «К Собинову», — смело ответил я и... решительно постучал в дверь.

«Кто там?» — раздался явно недовольный голос. «Это я», — произнес я не очень смело. «Кто вы?» — послышался новый вопрос. — Я отдыхаю».

«Из газеты...» — выдавил я из себя и, не ожидая приглашения, слегка зажмурив глаза, решительно открыл дверь. Из-за стола поднялся и направился ко мне явно недовольный внезапным вторжением Собинов. Артист был в пижаме и, по-видимому, отдыхал.

— Простите, — сказал он, — я устал и никого не принимаю!

— Но я... из газеты и хочу побеседовать с вами от имени наших читателей, — смущенно пролепетал я.

Воцарилось короткое молчание. Собинов, оглядев меня, вдруг улыбнулся и сказал:

— Ну, хорошо... Раз пришли, давайте беседовать, — и жестом указал мне на стул. Я сел.

— Я вас слушаю, — сказал артист. Тут я почувствовал растерянность, какой еще ни разу не приходилось испытывать в жизни. Все мысли куда-то улетучились, я сидел молча, как в тумане, красный и смущенный.

— Пойдите, — вдруг сказал Собинов, видя, как я судорожно мну папиросу в руках, — у вас, наверно, нет спичек?

И, не ожидая ответа, взял лежавшую на столе коробку, чиркнул спичкой и дал мне прикурить. Жадно затянувшись, я еще больше смутился, неловким движением вытащил из кармана смятую папироску и... молча протянул Собинову.

— Благодарю, — улыбнулся он, — я давно не курю. Да и вам не советую...

— Нет, я люблю, — невнятно промямлил я.

— Ай, ай, нехорошо, — засмеялся Собинов, — ведь вы еще очень молоды! — И снова водворилось минутное молчание.

— У вас есть бумага? — неожиданно спросил артист.

— Есть... есть, — обрадовался я, — есть и бумага и карандаш.

— Вы, наверное, хотите меня спросить, — мягко, по-отечески произнес Собинов, — о том, каковы мои впечатления после приезда в ваш город, в котором я не бывал почти двадцать лет?

— Да, да, — обрадовался я, — именно об этом я хотел вас спросить.

— Отлично! Записывайте мой ответ! — Превосходно оцинченный карандаш сразу же сломался в моих дрожащих руках. Я хватился за другой...

— Подождите, — вдруг сказал Собинов, наблюдая за моими неудачами, — я сам напишу в книжечке свой ответ! — И склонившись над блокнотом, артист быстро стал писать. На бумаге появились аккуратные, ровные строки. Я закурил...

— А теперь вы, разумеется, хотите спросить о том, в каких городах я намерен выступить и каков репертуар моих концертов? — снова послышался голос Собинова. Продолжая машинально курить, я молча кивнул головой. И снова на страницах блокнота замелькал карандаш в небольшой и изящной руке артиста.

Прошло несколько минут. Я почувствовал себя совершенно успокоившимся. Захлопнув блокнот, Собинов сказал:

— Мне кажется, что я удовлетворил вашу просьбу и ответил на все ваши вопросы!

— Леонид Витальевич, — начал я.

— Ничего, ничего, — мягко прервал Собинов, — беседа не должна быть слишком длинной и утомлять читателя... Поверьте мне, я сам когда-то занимался журналистикой.

— Но мне прямо неудобно, — ведь сам ни записал ни слова из нашей беседы, — пытался я возразить, — а мне так хотелось самому... я так мечтал о том, чтобы лично поговорить с вами.

Собинов как-то особенно легко и сердечно посмотрел на меня:

— Вот и хорошо... Ведь мы с вами интересно побеседовали! — и секунду помолчав, вдруг добавил: — Это, наверно, ваше первое интервью?

Опустив глаза, я кивнул головой.

— Хотя и напрасно вы волновались, но ведь это тоже хорошо... Значит, любите свое дело и относитесь к нему серьезно. А ведь это главное... — задумчиво сказал артист.

Крепко пожимая мне руку на прощанье, Леонид Витальевич спросил:

— А на моем концерте будете? — И не дожидаясь ответа, добавил: — Приходите и обязательно принесите газету с напечатанным интервью. Я его с удовольствием прочту. Приходите ко мне с газетой после концерта за кулисы...

Беседа с Собиновым была помещена в газете на другой день. Но подписать ее своим именем я все-таки не решился... На всю жизнь я сохранил воспоминание о чудесном человеке, так хорошо понявшем, так сердечно и добродушно относившемся к начинающему молодому журналисту.

Станислав ПОВОЛОЦКИЙ.
Пятигорск—Лодзь.